

Фицджеральд Френсис Скотт Самое разумное

1

Когда пробил Священный Час Всеамериканского Ленча, Джордж О'Келли неторопливо и с преувеличенной старательностью навел порядок на своем столе. В конторе не должны знать, как он спешит: успех зависит от производимого впечатления, и ни к чему оповещать всех, что твои мысли за семьсот миль от работы.

Зато на улице он стиснул зубы и побежал, лишь изредка вскидывая глаза на яркое весеннее небо, повисшее над самыми головами прохожих. Прохожие глядели вверх, полной грудью вдыхали мартовский воздух, заполнивший Таймс-сквер, и, ослепленные солнцем, не видели никого и ничего, кроме собственного отражения в небе.

Но Джорджу О'Келли, чьи мысли витали за семьсот миль, весенняя улица казалась мерзкой. Он влетел в подземку и все девяносто пять кварталов с яростью смотрел на рекламный плакат, очень живо показывавший, что у него есть лишь один шанс из пяти не остаться через десять лет без зубов. На станции "Сто тридцать седьмая улица" он прекратил изучение коммерческого искусства, вышел из подземки и снова побежал: на этот раз он тревожно и неудержимо стремился к себе домой - в одну-единственную комнату огромного мерзкого доходного дома у черта на куличках.

И в самом деле, письмо - священными чернилами на благословенной бумаге - лежало на комоде; сердце Джорджа застучало на весь город, только что никто не слышал. Он вчитывался в каждую запятую, пометку, в след от большого пальца с краю; потом безнадежно повалился на кровать.

С ним случилось несчастье, одно из тех страшных несчастий, которые сплошь и рядом обрушиваются на бедняков, коршунами кружат над бедностью. Бедные вечно то идут ко дну, то идут по миру, то идут по дурной дорожке а бывает, и умеют как-то держаться, этому тоже учит бедность; но Джордж О'Келли впервые ощутил, что он беден, и очень удивился бы, если бы кто-нибудь стал отрицать исключительность его положения.

Не прошло и двух лет с тех пор, как он с отличием окончил Массачусетский технологический институт и получил место в строительной фирме на юге Теннесси. Он с детства бредил туннелями и небоскребами, и огромными приземистыми плотинами, и высокими трехпилоновыми мостами, похожими на взявшихся за руки балерин - балерин ростом с дом, в пачках из тросовых стренг. Ему казалось очень романтичным изменять течение рек и очертания гор и дарить жизнь бесплодным и мертвым уголкам земли. Он любил сталь, она виделась ему во сне и наяву - расплавленная сталь, сталь в брусках и болванках, стальные балки и сталь бесформенной податливой массой; она ждала его, как холст и краски ждут художника. Неистощимая сталь, он переплавлял ее в огне своего воображения в прекрасные строгие формы.

А теперь он за сорок долларов в неделю служит в страховой компании, повернувшись спиной к быстро ускользающей мечте. Маленькая темноволосая девушка - причина этого несчастья, этого страшного, непереносимого несчастья - живет в Теннесси и ждет, когда он вызовет ее к себе.

Через четверть часа к нему постучалась женщина, которая от себя сдавала ему комнату в квартире; она довела его до белого каления заботливым вопросом, не подать ли ему закусить, раз уж он дома. Он мотнул головой, но это вывело его из оцепенения, он встал с кровати и написал текст телеграммы:

"Огорчен письмом ты потеряла мужество как ты можешь думать разрыве глупенькая успокойся поженимся немедленно уверен проживем..."

После минутного колебания он принял отчаянное решение и дописал дрожащей рукой: "...приеду завтра шестичасовым".

Закончив, он побежал на телеграф у станции подземки. Его достояние не составляло и сотни долларов, но ведь она пишет, что "издергалась", и ничего не поделаешь - надо ехать. Он понимал, что означает это "издергалась": она пала духом, перспектива семейной жизни в бедности и постоянной борьбе за существование оказалась непосильной для ее любви.

Джордж О'Келли бегом вернулся в страховую контору - бег вошел у него в привычку, выражая, по-видимому, то нервное напряжение, в котором он непрерывно находился. Он сразу по-

стучал в кабинет к управляющему.

- Мистер Чамберс, я к вам, - объявил он, не успев отдышаться.
- Я вас слушаю. - Глаза, холодные и непроницаемые, как зимние окна, глянули на него.
- Мне нужен отпуск на четыре дня.
- Вы же брали отпуск ровно две недели назад, - сказал изумленный мистер Чамберс.
- Совершенно верно, - смущенно подтвердил молодой человек, - но сейчас мне необходим

еще один отпуск.

- Куда вы ездили в прошлый раз? Домой?
- Нет, я ездил... к одним знакомым в Теннесси.
- Ну, а куда вам нужно сейчас?
- Сейчас мне нужно... к одним знакомым в Теннесси.
- Вам нельзя отказать в постоянстве, - сухо сказал управляющий. Однако, насколько мне известно, вы у нас работаете не на должности коммивояжера.
- И все-таки, - в отчаянии произнес Джордж, - мне обязательно нужно туда съездить.
- Пожалуйста, - согласился мистер Чамберс, - но вам совсем не обязательно возвращаться.

Так что не трудитесь.

- И не вернусь.

Джордж и сам удивился не меньше мистера Чамберса, почувствовав, что лицо у него розовеет от радости. Он был счастлив, он ликовал - впервые за эти полгода ничто его не связывает! Его глаза наполнились слезами благодарности, и он пылко схватил мистера Чамберса за руку.

- Спасибо вам, - сказал он с чувством, - я и не хочу возвращаться. Я, наверное, сошел бы с ума, если бы вы позволили мне вернуться. Но я как-то не мог сам уйти с работы, и я вам очень благодарен, что вы все решили за меня.

Он великодушно махнул рукой, пояснив: "Вы должны мне за три дня, но это неважно", и кинулся прочь из кабинета. Мистер Чамберс звонком вызвал стенографистку и спросил, не замечала ли она в последнее время за О'Келли каких-нибудь странностей. Он занимал свой пост много лет, уволил на своем веку много людей, и принимали они это по-разному, но чтобы его за это благодарили - такого еще не было никогда.

2

Ее звали Джонкуил Кэри, и когда, увидев Джорджа, она в нетерпении бросилась по платформе ему навстречу, ее лицо потрясло его своей свежестью и бледностью. Ее руки уже протянулись его обнять, а рот приоткрылся для поцелуя, как вдруг она слегка отстранила его и чуть смущенно оглянулась. За ее спиной стояли двое юношей, помоложе Келли.

- Знакомься - это мистер Крэдок и мистер Холт, - весело объявила она. - Да ты с ними знаком, вспоминаешь?

Итак, вместо поцелуя любви - светская болтовня; Джордж огорчился и встревожился, заподозрив в этом какой-то скрытый смысл; он расстроился еще сильнее, когда выяснилось, что они поедут к Джонкуил в автомобиле одного из молодых людей. Это каким-то образом ставило его в невыгодное положение. По дороге Джонкуил щебетала, поворачиваясь то к переднему, то к заднему сиденью; воспользовавшись полумраком, он попытался ее обнять, но она быстро отстранилась, только вложила свою руку в его.

- Куда мы едем? - шепнул он. - Я что-то не узнаю улицу.

- Это новый бульвар. Джерри как раз сегодня купил автомашину, и он хочет по дороге продемонстрировать мне ее.

Через двадцать минут они вышли из автомобиля у дома Джонкуил, но теперь ее глаза уже не сияли счастьем, как на вокзале, и Джордж почувствовал, что эта поездка вторглась в первую радость свидания и разрушила ее. Он так мечтал об этой встрече, и вот все испорчено из-за какой-то чепухи, с горечью подумал он, сухо прощаясь с Крэддоком и Холтом. Но потом на душе у него стало легче, потому что Джонкуил привычно обняла его под тусклой лампой в холле, высказывая в разных выражениях - а лучше всего, когда без слов, - как скучала о нем. Ее взволнованность успокаивала, внушала надежду, что все будет хорошо.

Они сели на диван, захваченные близостью друг друга, шепча отрывочные ласковые слова и

позабыв обо всем остальном. К ужину вышли родители Джонкуил, они были ему рады. Они к нему хорошо относились в первое время его жизни в Теннесси, год с лишним тому назад, - проявляли большой интерес к его работе в строительной фирме. Когда он решил пожертвовать ею и поехать в Нью-Йорк искать место, где можно было бы быстрее встать на ноги, они сокрушались, что он прерывает неплохо начатую карьеру, но понимали его и были готовы дать согласие на помолвку. За столом они спросили, как у него дела в Нью-Йорке.

- Все идет отлично, - с воодушевлением ответил он. - Меня повысили... прибавили жалованье.

Говоря так, он чувствовал себя глубоко несчастным, зато они все уверяли, что страшно рады за него.

- Видно, что вас там ценят, - сказала миссис Кэри. - Иначе вам бы не удалось отпроситься дважды за три недели.

- А я сказал: придется вам меня отпустить. Я сказал: не отпустите увольюсь, - поспешил объяснить Джордж.

- Только лучше бы вам откладывать деньги, - мягко упрекнула миссис Кэри. - А то ведь вы тратите на эти поездки весь свой заработок.

Ужин кончился - они с Джонкуил снова остались наедине, и она снова прильнула к нему.

- Милый, я так рада, что ты здесь, - вздохнула она. - Хорошо бы ты никогда больше не уезжал.

- Ты соскучилась?

- Да, очень.

- А скажи... у тебя часто бывают в гостях другие мужчины? Вроде тех двух мальчиков?

Вопрос удивил ее. Черные бархатные глаза округлились.

- Конечно. Все время. Я ведь тебе писала, милый.

Ну, разумеется. Когда он только приехал в этот город, ее уже окружала дюжина поклонников; они по-юношески восхищались ее экзотической хрупкостью, а кое-кто из них замечал, что ее красивые глаза смотрят трезво и снисходительно.

- По-твоему, я нигде не должна бывать? - резко спросила Джонкуил, откидываясь на спинку дивана и словно бы сразу оказавшись за много-много миль. - Так и должна всю жизнь сидеть в четырех стенах?

- Это как же понять? - испугался он. - Ты хочешь сказать, у меня никогда не будет денег, чтобы жениться на тебе?

- Джордж, ты слишком торопишься с выводами.

- Ничего подобного, ты именно это и сказала.

Джордж решил оставить скользкую тему. Надо избегать всего, что может испортить этот вечер. Он попытался снова ее обнять, но она неожиданно воспротивилась:

- Жарко. Я принесу вентилятор.

Включив вентилятор, они снова сели на диван, но Джордж был так взвинчен, что невольно бросился прямо в запретную область.

- Когда ты станешь моей женой?

- А ты уже готов к тому, чтобы я стала твоей женой?

Вдруг у него сдали нервы, и он вскочил.

- Да выключи ты этот чертов вентилятор! - закричал он. - Он меня бесит. Он не воздух гонит, а наше с тобой время. Я хочу быть здесь счастливым и забыть о времени и о Нью-Йорке...

Он опустил на диван так же неожиданно, как вскочил. Джонкуил выключила вентилятор и, положив его голову к себе на колени, стала гладить по волосам.

- Давай посидим вот так, - мягко сказала она. - Посидим тихонечко, вот так, и я буду тебя баюкать. Ты устал, мой родной, ты издергался, но теперь твоя любимая позаботится о тебе.

- Я не желаю сидеть тихонечко, - возразил он, резко выпрямляясь. Вовсе я не хочу сидеть тихонечко. Я хочу, чтобы ты целовала меня. Только это меня успокаивает. И потом, кто из нас издергался? По-моему, не я, а ты. А я совсем не издергался.

В доказательство он встал с дивана, пересек комнату и плюхнулся в кресло-качалку.

- И как раз теперь, когда я уже могу на тебе жениться, ты пишешь, что издергалась, ты шлешь мне такие письма, словно собираешься порвать со мной, и заставляешь меня мчаться сюда...

- Не приезжай, если не хочешь.

- Но я хочу!

Ему казалось, что он рассуждает хладнокровно и логично и что она нарочно сваливает вину на него. С каждым словом они все больше удалялись друг от друга, но он был не в силах ни остановиться, ни говорить спокойно; голос выдавал его тревогу и боль.

Потом Джонкуил горько расплакалась, и он вернулся на диван и обвил ее рукой. Теперь уже он утешал ее он притянул ее голову к себе на плечо и нашептывал ей "их" привычные словечки, и она мало-помалу успокаивалась, лишь порой вздрагивала у него в объятиях. Больше часа просидели они так, а за окном в вечернем воздухе таяли последние аккорды роялей. Джордж сидел, не двигаясь, не думая, не надеясь, - предчувствие катастрофы словно бы одурманило его. Часы будут тикать и тикать пробьют одиннадцать, двенадцать, потом миссис Кэри тихо окликнет их, перегнувшись через перила лестницы, а дальше он видел только завтра и конец всему.

3

Конец наступил в самое жаркое время следующего дня. Правду друг о друге угадали оба, но она первая решилась признать это вслух.

- Не стоит тебе дальше мучиться в этой конторе, - начала она с несчастным видом. - Ведь она тебе противна, ты никогда там ничего не добьешься, и сам отлично это знаешь.

- Не в том дело, - упрямо возразил он. - Противно мне мучиться одному. Если бы ты решилась, вышла за меня, поехала со мной, я бы всего добился, но не сейчас, когда в мыслях у меня только одно: как ты здесь без меня.

Прежде чем ответить, она долго молчала, не обдумывая - ей уже все было ясно, - а просто оттягивая, ведь она знала, какими жестокими покажутся ему ее слова.

Наконец она заговорила:

- Джордж, я люблю тебя всем сердцем, я едва ли полюблю другого. Если бы ты мог жениться два месяца назад, я бы вышла за тебя... Но сейчас я уже поняла, что это не самое разумное...

Он стал иступленно обвинять ее - она что-то скрывает, у нее есть другой!

- Никого у меня нет.

Это была правда. Но роман с Джорджем требовал от нее очень большого напряжения душевных сил, и в обществе молодых людей вроде Джерри Холта, имевших то преимущество, что они не играли никакой роли в ее жизни, она находила разрядку.

Джордж, однако, не желал смириться. Он схватил ее в объятия и попытался поцелуями буквально вынудить у нее согласие на немедленный брак. Потерпев неудачу, он оплакал себя в длинном монологе и остановился, лишь увидев, что этим только вызывает у нее презрение. Он грозился уехать, хотя совсем не собирался уезжать, а когда она сказала, что сейчас ему и правда лучше уехать, заявил, что никуда не поедет.

Она сначала была опечалена, а потом уже только снисходительна.

- Да уходи же! - закричала она наконец так громко, что миссис Кэри испуганно сбежала по лестнице.

- Что случилось?

- Я уезжаю, миссис Кэри, - произнес он прерывающимся голосом.

Джонкуил вышла из комнаты.

- Ну что вы так убиваетесь, Джордж. - Миссис Кэри понимающе и беспомощно моргала глазами: ей было жаль юношу, но она радовалась, что эта маленькая драма уже, можно сказать, позади. - Знаете, что я вам посоветую? Съездите-ка на недельку домой, к маме. А решение это, в конце концов, видимо, самое разумное...

- Прошу вас, замолчите! - закричал он. - Пожалуйста, не надо ничего говорить!

Вернулась Джонкуил - она скрыла и грусть и волнение под пудрой, румянами и шляпкой.

- Я вызвала такси, - ни к кому не обращаясь, сказала она. - До поезда покатаемся по городу.

Она вышла на улицу. Джордж надел плащ и шляпу и с минуту постоял в холле - он был без

сил: кусок не мог проглотить с самого Нью-Йорка. Подошла миссис Кэри, нагнула к себе его голову, поцеловала в щеку, и он почувствовал себя смешным и жалким, понимая, что в сцене разрыва он тоже играл смешную и жалкую роль. Надо было уехать вчера вечером - сдержанно и гордо расстаться навсегда.

Целый час бывшие возлюбленные ездили на такси по городу, выбирая малолюдные улицы. Он держал ее за руку и в лучах солнца постепенно успокаивался, запоздало убеждаясь, что тут ничего и нельзя было ни сделать, ни сказать.

- Я вернусь, - пообещал он ей.

- Знаю, - ответила она, пытаясь выразить голосом веселую уверенность. И мы будем иногда писать друг Другу.

- Нет, - сказал он. - Писать мы не будем. Этого я не вынесу. Просто в один прекрасный день я вернусь.

- Я никогда не забуду тебя, Джордж.

На вокзале она пошла с ним в кассу брать билет.

- Кого я вижу! Джордж О'Келли и Джонкуил Кэри!

Это была их знакомая пара, они встречались еще в те времена, когда Джордж здесь работал, и при виде их Джонкуил, кажется, обрадовалась. Бесконечные пять минут общего разговора, а потом поезд, оглушительно гудя, въехал под крышу вокзала, и Джордж, с гримасой плохо скрытого отчаяния, сделал движение обнять Джонкуил. Она неуверенно шагнула к нему, остановилась в нерешительности и быстро подала ему руку, будто прощалась с не очень близким приятелем.

- До свиданья, Джордж, - сказала она. - Счастливого пути.

- До свиданья, Джордж. Приезжайте еще и непременно дайте нам знать.

Онемев, почти ослепнув от боли, он подхватил свой чемоданчик и, как в тумане, поднялся в вагон.

Поезд лязгает на переездах, набирает скорость на широких пространствах пригородов, а солнце опускается все ниже. Может быть, и она сейчас поглядит на заходящее солнце, остановится, оглянется, вспомнит; а наутро его образ поблекнет, станет для нее прошлым. Эта ночь навсегда окутает тьмой солнце, и деревья, и цветы, и смех - весь мир его юности.

4

Прошло больше года, и вот в сырой сентябрьский день молодой человек с лицом, загорелым до цвета потускневшей меди, сошел с поезда в одном городе в Теннесси. Он тревожно огляделся и, казалось, почувствовал облегчение, убедившись, что его никто не встречает. Взяв такси, он отправился в лучшую в городе гостиницу и не без гордости записал в книге для приезжающих: "Джордж О'Келли, проездом из Куско (Перу)".

Поднявшись к себе, он посидел у окна, глядя на знакомую улицу. Потом снял телефонную трубку и назвал номер; руки у него чуть-чуть дрожали.

- Можно попросить мисс Джонкуил?

- Я вас слушаю.

- Это... - Он преодолел едва заметную вибрацию в голосе и продолжал дружески просто: - Это Джордж О'Келли. Ты получила мое письмо?

- Да. Я так и думала, что ты приезжаешь сегодня.

Ее голос, ровный и спокойный, взволновал его, но разве такого он ожидал? С ним говорила чужая женщина, невозмутимая, светски-любезная - не более того. Ему захотелось бросить трубку и перевести дух.

- Давно я тебя не видел. Кажется... больше года?

Ему удалось высказать это как мысль, только что пришедшую в голову. На самом деле он знал сколько, с точностью до одного дня.

- Буду очень рада тебя повидать.

- Ну так я приеду через час примерно.

Он повесил трубку. Так вот оно, мгновение, предвкушением которого двенадцать долгих месяцев была заполнена каждая его свободная минута... Он представлял себе, как застанет ее замужем, или помолвленной, или любящей другого, - не представлял одного: что его возвращение

будет ей безразлично.

Он пережил неповторимое время. По общему признанию, он добился замечательных для молодого инженера успехов: ему подвернулись два редкостных случая, один в Перу, откуда он возвращался, другой - как следствие первого - в Нью-Йорке, куда он сейчас направляется. Он сделал рывок из бедности в мир неограниченных возможностей.

Он посмотрелся в зеркало на туалетном столике. Загорел дочерна, но тем романтичнее, и всю последнюю неделю, когда у него появилось время думать о таких вещах, это его очень радовало. Он вообще нравился самому себе настоящий мужчина, сильный и отважный. Бровь обгорела, колено в эластичном бандаже, и по молодости лет он отлично замечал, какой интерес вызывала у многих попутчиц на пароходе необычность его облика.

Одет он, правда, ужасно. Костюм ему сшил за два дня портной-грек в Лиме. Джордж, опять-таки по молодости лет, не преминул извиниться за это перед Джонкуил в своем письмеце, которое было весьма лаконично: еще оно содержало лишь настойчивую просьбу, чтобы Джонкуил его ни в коем случае не встречала.

Джордж О'Келли, прибывший из Куско (Перу), выждал у себя в номере ровно полтора часа, пока солнце не оказалось точно над головой. А тогда, свежевыбритый, припудрившись тальком, чтобы выглядеть все же человеком белой расы - в последнюю минуту тщеславие одержало верх над романтикой, он взял такси и поехал к хорошо знакомому дому.

Он тяжело дышал, но приписал это простому возбуждению, а не чувству. Он здесь, она не замужем - чего ему еще нужно? Он даже не знал толком, что хочет ей сказать. Но все равно ни на что на свете не променял бы этого события в своей жизни. Ведь в конечном счете только ради женщины и нужны победы, и если уж он не может сложить свои трофеи к ее ногам, ему хотелось хоть одно мгновение подержать их у нее перед глазами.

Дом как-то внезапно вырос рядом, и на первый взгляд показался Джорджу странно нереальным. Ничего не изменилось - однако изменилось все. Дом маленький, обшарпанный - очарование не парит облаком над крышей, не струится из окон второго этажа. На звонок ему открыла незнакомая цветная служанка. Мисс Джонкуил сейчас спустится. Он нервно облизал губы, прошел в гостиную, и ощущение нереальности стало еще острее. Оказывается, это просто-напросто комната, а не заколдованный чертог, где он провел те незабываемые мучительные часы. Он сел в кресло и удивился, что это просто-напросто кресло, а потом понял, что только его воображение в те прежние времена смещало пропорции, расцветчивало будничные предметы.

Но тут отворилась дверь и вошла Джонкуил... и комната словно бы поплыла у него перед глазами. Он все же успел забыть, как она хороша, и теперь чувствовал, что бледнеет и что голос отказывает ему.

Она была в бледно-зеленом, на прямых темных волосах короной - золотая лента. И тут же его глаза встретились с теми прежними бархатными глазами, и он сжался от страха: ее красота сохранила способность причинять ему боль.

Он поздоровался, оба сделали несколько шагов, встретились и обменялись рукопожатием. Потом сели в разных углах комнаты и оттуда разглядывали друг друга.

- Вот ты и вернулся, - сказала она, а он ответил столь же банально:

- Я проездом, решил заехать повидаться.

Он избегал смотреть на ее лицо, думая, что так быстрее справится с дрожью в голосе. Говорить полагалось ему, но сказать было вроде бы нечего, разве что тут же начать хвастаться. У них и раньше было не в обычае болтать просто так, а уж в таких обстоятельствах, как сейчас, и подавно не заговоришь о погоде.

- Это становится смешно, - вырвалось вдруг у него в приливе смущения. Я сижу как дурак и не знаю, о чем говорить. Тебе в тягость мое присутствие?

- Нет. - Ответ был сдержанный, неопределенно-грустный. Это огорчило Джорджа.

- Ты помолвлена? - резко спросил он.

- Нет.

- Ты кого-нибудь любишь?

Она покачала головой.

- Вот как...

Он откинулся на спинку кресла. Еще одна тема, кажется, исчерпана, и разговор опять пошел не так, как он задумал.

- Джонкуил, - снова начал он, на этот раз мягче. - После всего, что было между нами, мне захотелось вернуться и увидеть тебя. Как бы ни сложилась у меня жизнь, я никогда не буду любить другую, как любил тебя.

Эта маленькая речь была из тех, которые он подготовил заранее. На пароходе она казалась ему очень удачной - в ней было обещание помнить ее всю жизнь и вместе с тем никакой ясности насчет его нынешних чувств. Но здесь, где прошлое обступало его, стояло у него за спиной, тяжело наполняло атмосферу, эти слова звучали ходульно и избито.

Она выслушала его молча, не шелохнувшись, не сводя с него глаз, в которых читалось все, что угодно... а может быть, и ничего.

- Ты меня больше не любишь? - спросил он ровным голосом.

- Нет.

Когда чуть позже вошла миссис Кэри и завела разговор о его успехах местная газета напечатала о нем заметку, - он был весь в смятении чувств. Ясно было ему только, что эта девушка по-прежнему нужна ему и что прошлое иногда возвращается. Но теперь он проявит себя мужчиной, сильным и осмотрительным... а там будет видно.

- Ну, а сейчас, - продолжала миссис Кэри, - прошу вас, зайдите вдвоем к той даме, которая разводит хризантемы. Она говорила мне, что непременно хочет вас увидеть - она читала про вас в газете.

Они отправились к той даме, которая разводит хризантемы. Шли по улице, и, как прежде, на каждый его шаг приходилось два ее коротких шажка - еще одно волнующее воспоминание. Дама оказалась очень милой, а хризантемы были огромные, изумительно красивые - белые, розовые, желтые, и в таком изобилии, точно стоял июль. У дамы было два цветника, соединенных калиткой; обойдя с гостями первый, хозяйка впереди них прошла во второй.

И тут кое-что произошло. Джордж отступил, пропуская Джонкуил, но она все стояла и смотрела на него. И дело даже не в том, как она - без улыбки - смотрела на него, а скорее в самом молчании. Они увидели глаза Друг друга, и оба быстро перевели дух, а потом прошли в калитку. Вот и все.

Вечерело. Они поблагодарили хозяйку и отправились домой - шли медленно, задумчиво, бок о бок. За обедом тоже были молчаливы. Джордж вкратце рассказал мистеру Кэри о том, как все сложилось у него в Южной Америке, и сумел дать понять, что теперь перед ним открывается зеленая улица.

Кончился обед, и они с Джонкуил остались одни в комнате, которая видела начало их любви и ее конец. Как давно это было и как невыразимо грустно! Так мучиться и страдать, как он страдал тогда на этом самом диване, он в жизни уже не будет. Никогда он не будет таким слабым, и усталым, и несчастным, и бедным. И однако же тот мальчик, пятнадцать месяцев назад, был чем-то богаче его. Верой? Пылкостью? Самое разумное... Они сделали самое разумное. Ценой юности он приобрел силу, из отчаянья выковал успех. Но вместе с юностью жизнь унесла непосредственность его любви.

- Выходи за меня замуж, - спокойно сказал он.

Джонкуил покачала темноволосой головкой.

- Я вообще не выйду замуж.

Он кивнул.

- Завтра утром я еду в Вашингтон.

- Вот как?

- Надо. К первому я должен быть в Нью-Йорке, а до того хотел побывать в Вашингтоне.

- Все дела?

- Н-нет. - Он притворился, что ему неприятно говорить. - Я должен там кое с кем встретиться. С кем-то, кто очень поддержал меня, когда я, помнишь, был так... выбит из колеи.

Сплошная выдумка. Никто не ждал его в Вашингтоне. Но он зорко наблюдал за Джонкуил,

и, конечно же, она чуть заметно вздрогнула, на секунду закрыла глаза.

- Мне пора идти, я только хочу рассказать тебе, что произошло со мной с тех пор, как мы расстались, и... раз уж это, может быть, наша последняя встреча... посиди у меня на коленях, как, помнишь, в те прежние времена. Если бы у тебя был другой, я бы не просил, впрочем... как знаешь.

Она кивнула и села к нему на колени, как той ушедшей весной. Он остро ощутил ее голову на своем плече, все ее такое знакомое тело. Непроизвольно чуть было не сжал ее в объятиях, и поэтому откинулся на спинку дивана и заговорил, глядя в пространство, обдумывая каждое слово.

Он рассказал ей, как в Нью-Йорке, после двух недель отчаяния, поступил на интересную, хоть и не очень денежную работу на строительстве в Джерси-Сити. Потом возник этот перуанский вариант, и поначалу он вовсе не казался таким уж блестящим. Должность самого младшего инженера в группе американских специалистов, Но из всей группы до Куско добрались живыми только десять человек, из них восемь - геодезисты и землемеры. Через десять дней умирает от желтой лихорадки начальник экспедиции. Изумительная удача, счастливый случай, которым не воспользовался бы только дурак, фантастический случай.

- Не воспользовался бы только дурак? - с невинным видом переспросила она.

- И дурак воспользовался бы, - продолжал он. - Грандиозная удача. Итак, я телеграфирую в Нью-Йорк...

- А оттуда, - снова перебила она, - телеграфируют в ответ, что разрешают тебе воспользоваться случаем?

- Разрешают?! - Он все так же сидел, откинувшись на спинку. Приказывают! Нельзя терять времени...

- Ни минуты?

- Ни минуты.

- Даже на то, чтобы... - Она сделала паузу.

- На что?

- ...посмотреть на меня.

Он вдруг повернул голову, а она потянулась к нему, и рот у нее был полураскрыт, как цветок.

- На это, - прошептал он ей в губы, - у меня всегда есть время, масса времени...

Масса времени - его жизнь и ее. Но, целуя ее, он на миг осознал, что той весны ему не вернуть, сколько ни ищи, хоть целую вечность. И пусть теперь он имеет право прижать ее к себе с такою силой, что мускулы вздуваются на руках, - она его желанная и драгоценная добыча, он ее завоевал, - но не будет неуловимого шепота в сумерках, шепота в ночи...

Что ж, сказал он себе, ничего не поделаешь. Прошла весна, прошла. Какой только любви не бывает в жизни, но нельзя два раза любить одинаково.

1924